

Арвидас Виргилиус Матулионис, Моника Фреюте-Ракаускаене, Кристина Шлявайте

**МЕЖДУ ЛОКАЛЬНОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ:
АНАЛИЗ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП (РУССКИЕ, ПОЛЯКИ, БЕЛОРУСЫ) В ЛИТВЕ**

В статье анализируются некоторые данные, полученные в Литве в рамках международного исследовательского проекта ENRI-East („Взаимодействие европейской, национальной и региональной идентичностей: нации между государствами вдоль новых восточных границ Европейского Союза“, www.enri-east.net), который был реализован в 2008 – 2011 годах консорциумом 11 команд научных институтов Англии, Словакии, Австрии, Польши, Беларуси, Украины, Венгрии, Германии и Литвы. Проект координировался IHS-Vienna (Институт социально-экономических и политических исследований) и финансировался в рамках Седьмой программы Европейского Союза FP7-SSH (грант №217227). В статье представлены результаты качественных исследований, проведенных в рамках проекта среди белорусов, поляков и русских в Литве, то есть между этническими группами, которые проживают рядом с границей своей исторической родины. Качественные биографические углубленные интервью были проведены в соответствии с методикой, разработанной командой проекта ENRI-East. В каждой этнической группе (белорусы, поляки, русские) были проведены 12 интервью с представителями трех поколений – представители молодого поколения (от 16 до 22 лет), представители среднего поколения (от 35 до 50 лет) и представители старшего поколения (от 65 лет и старше). Большинство интервью проводились на русском языке. Информанты русской и белорусской национальностей в основном были из города Вильнюса. Информанты-поляки интервьюировались в Вильнюсе и Вильнюсском регионе. Интервью проводились в июле-августе 2010 года. Основными критериями отбора информантов являлись их возрастная группа (поколение), пол и идентификация с определенной этнической группой. В статье авторы обсуждают, как информанты формируют свою идентичность с Литвой, исторической родиной (Россия, Польша, Беларусь) и Европой или Европейским Союзом. Качественное исследование показало, что для информантов всех поколений идентификация с местностью, городом (Вильнюсом) и страной проживания (Литвой) более важна, чем с Европой или Европейским Союзом. Тем не менее, большинство информантов всех поколений идентифицируют себя также и с Европой или Европейским Союзом. Информанты молодого поколения всех этнических групп выражают больший энтузиазм и более позитивно настроены в отношении интеграции Литвы в Европейский Союз.

Ключевые слова: этническая принадлежность, Европейский Союз, локальная и европейская идентичность.

Starp vietējo un Eiropas identitāti: etnisko grupu (krievu, poļu, baltkrievu) izpēte Lietuvā

Raksta autori analizē dažus datus no starptautiskā pētnieciskā projekta ENRI-East („Eiropas, nacionālās un reģionālās identitātes mijiedarbība: nācijas starp valstīm gar jaunajām austrumu Eiropas Savienības robežām“, www.enri-east.net), kuru realizēja Lietuvā 2008. – 2011. gados 11 zinātnisko institūtu no Anglijas, Slovākijas, Austrijas, Polijas, Baltkrievijas, Ukrainas, Ungārijas, Vācijas un Lietuvas komandu konsorcijs. Projektu koordinēja Vīnes kvalifikācijas paaugstināšanas institūta Eirāzijas salīdzinošo pētījumu un aptauju centrs, un tas tika finansēts no Eiropas Savienības 7. ietvarprogrammas FP7-SSH (grants Nr. 217227). Rakstā tiek prezentēti kvalitatīvo pētījumu rezultāti, kurus, projekta ietvaros, autori ieguva Lietuvā, pētot baltkrievus, poļus un krievus, t.i. tajās etniskajās grupās, kuras apmetās tuvu savas vēsturiskās dzimtenes robežām. Kvalitatīvas biogrāfiskās dziļās intervijas tika veiktas atbilstoši metodiskajiem norādījumiem, ko izstrādāja projekta ENRI-East komanda. Katrā etniskajā grupā (baltkrievi, poļi, krievi) tika veiktas 12 intervijas ar trīs paaudžu pārstāvjiem – jaunās paaudzes pārstāvji (no 16 līdz 22 gadiem), vidējās paaudzes pārstāvji (no 35 līdz 50 gadiem) un vecākās paaudzes pārstāvji (65 gadi un vecāki). Lielākā daļa interviju veikta krievu valodā. Krievu un baltkrievu pētāmie galvenokārt bija no Viļņas pilsētas. Poļu respondenti tika intervēti Viļņas pilsētā un Viļņas reģionā. Intervijas veiktas 2010. gada jūlijā un augustā. Intervējamo atlases pamatkritēriji bija viņu vecuma grupa (paaudze), dzimums un identifikācija ar noteiktu etnisko grupu. Raksta autori novērtē, kā pētāmie veido savu

identitāti ar Lietuvu, vēsturisko dzimteni (Krieviju, Poliju, Baltkrieviju) un Eiropu vai Eiropas Savienību. Kvalitatīva pētījuma rezultāti parādīja, ka visu paaudžu respondentiem identifikācija ar dzīves vietu, pilsētu un valsti, kurā viņi dzīvo (Viļņu un Lietuvu), ir nozīmīgāka nekā identifikācija ar Eiropu vai Eiropas Savienību. Tomēr lielākajai daļai visu paaudžu pētāmi ir raksturīga identitāte arī ar Eiropu un Eiropas Savienību. Visi jaunās paaudzes respondenti visās etniskajās grupās ir vairāk pozitīvi noskaņoti attiecībā uz Lietuvas integrāciju Eiropas Savienībā.

Atslēgas vārdi: etniskā piederība, Eiropas Savienība, lokālā un Eiropas identitāte.

**Between the local and European identity:
an analysis of ethnic groups in Lithuania
(Russians, Poles, and Belarusians)**

The article overviews and analyses some data collected in Lithuania in the framework of the international research project ENRI-East („Interplay of European, National and Regional Identities: Nations Between the States Along the New Eastern Borders of the European Union“, www.enri-east.net) in 2008-2011 by a consortium of 11 teams of scientific institutes of England, Slovakia, Austria, Poland, Belarus, Ukraine, Hungary, Germany and Lithuania. The project was coordinated by the Center for Comparative Eurasia Studies and Surveys (CEASS-Center) of the Institute for Advanced Studies in Vienna (IHS-Vienna) and primarily funded by the European Union's Seventh framework Programme under an FP7-SSH Grant Agreement #217227. This paper is mainly based on results of qualitative research conducted in the framework of the project among Belarusians, Poles and Russians in Lithuania, i.e. ethnic groups settled next to the borders with their historical homelands. The qualitative biographical in-depth interviews were conducted in accordance to the methodological guidelines developed by ENRI-EAST team. In each ethnic group (Belarusians, Poles, Russians) 12 interviews were conducted with members of three generations (young (from 16 till 22), middle (from 35 till 50) and older generation (from 65 and older). The majority of interviews were conducted in Russian language. The Russian and Belarusian informants are mainly from Vilnius city. The informants from Polish group were interviewed in Vilnius city and Vilnius region. The interviews were conducted in July-August of 2010. The main criteria for selection of informants is their age group (generation), gender and identification with particular ethnic group. In the paper the authors discuss how informants construct their identities with Lithuania, historical homelands (Russia, Poland or Belarus) and Europe or EU. The qualitative research revealed that for informants of all generations identification with the locality, city (Vilnius), country of residence (Lithuania) is more important than with Europe or EU. Nevertheless, the identity with Europe or EU is built by most of informants of all generations. The informants of younger generation of all ethnic groups express more enthusiasm and are more positive regarding Lithuania's integration into the EU.

Key words: ethnicity, European Union, local and European identity.

В этой статье анализируются данные, собранные во время проведения международного научного проекта ENRI-East (Interplay of European, National and Regional Identities: Nations between the States Along the New Eastern Borders of the European Union) (1). В ходе проекта в Литве были проведены количественные и качественные опросы трех этнических групп — русских, поляков и белорусов. Авторы данной статьи анализируют некоторые элементы этнической общности с целью найти ответы на следующие вопросы: каковы преобладающие взгляды на Европейский союз (ЕС) и членство Литвы в ЕС? Отождествляют ли они себя с Европой, Европейским союзом или, возможно, с другими регионами? Какие еще регионы важны для информантов при конструировании своей идентичности и почему? Каковы основные социальные связи/узы со страной происхождения/исторической родиной и Литвой? Существуют ли различия (и каковы они) между тремя опрошенными этническими группами (русскими, поляками, белорусами), а также между различными возрастными группами?

Далее в статье будет рассмотрена ситуация русской, польской и белорусской этнических групп в Литве. Рассмотрены некоторые теоретические подходы, концептуализирующие этничность, дан краткий обзор подобных исследований в Литве. В другой части представлены основные данные

качественного и количественного исследования ENRI-East, а также сравнение трех исследуемых этнических групп.

Русские, поляки, белорусы в Литве: данные об этнических группах

Во время пребывания Литвы в составе Советского Союза, росла численность как всего населения, так и национальных общностей. По сравнению с 1959 г., годом первой послевоенной всесоюзной переписи населения, к 1989 г. число русских выросло более чем на сто тысяч, а белорусов — вдвое. После восстановления государственности в Литве сократилась как численность всего населения, так и количество русских, поляков и белорусов. Число русских уменьшилось почти вдвое. При этом, несмотря на то, что численность поляков уменьшилась, их доля среди всего населения сократилась не столь существенно. За десятилетие с 2001 по 2011 гг. доля белорусов (1,2%) не изменилась. (см. Табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Литвы по национальностям

Национальности/Год	1959	1979	1989	2001	2011
Всего населения (тысячи)	2711,4	3391,5	3674,8	3484,0	3043,4
В том числе:					
Литовцы	2150,8	2712,2	2924,3	2907,3	2561,3
Русские	232,0	303,5	344,5	219,8	176,9
Поляки	230,1	247,0	258,0	235,0	200,3
Белорусы	30,3	57,6	63,2	42,9	36,2
Процент от всего населения	100	100	100	100	100
В том числе:					
Литовцы	79,3	80,0	79,6	83,5	84,2
Русские	8,5	8,9	9,4	6,3	5,8
Поляки	8,5	7,3	7,0	6,7	6,6
Белорусы	1,1	1,7	1,7	1,2	1,2

Источник: Lietuvos statistikos departamentas (1992) цит. по: Kasatkina, Leončikas (2003); Lietuvos statistikos departamentas. Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. gyventojų surašymo rezultatai.

Ученые утверждают, что группа русских в Литве неоднородна: часть русских издавна живет в Литве (например, старообрядцы), другие иммигрировали в начале двадцатого века после переворота 1917 г. в России, иммиграция широко шла в советское время (Kasatkina 1997 Martsinkivichius 2007: 219). Согласно данным переписи населения 2011 г. 10,3% проживающих в Вильнюсе и Вильнюсском уезде людей — русские, в Утенском уезде русских 12,5% (большинство из них проживают в городе Висагинас), в Клайпедском уезде русское население составляет 10,4% (Lietuvos statistikos departamentas 2011). Во время переписи 2011 г. 89,3% людей русской национальности указали русский язык как родной (Lietuvos statistikos departamentas 2011), этот процент почти не изменился с 2001 г. (Lietuvos statistikos departamentas 2002: 74). В 2011 г. большая часть жителей Литвы русской национальности причислили себя к православным,

11,8% — к старообрядцам, 11,9% — к Римско-католической церкви (Lietuvos statistikos departamentas 2011).

Группа поляков в Литве — вторая по численности после литовцев (6,6% всего населения Литвы) (Lietuvos statistikos departamentas 2011). По данным переписи 2011 г. наибольший процент польского населения проживает в Вильнюсском уезде — 23% от общего числа жителей уезда (Lietuvos statistikos departamentas 2011). В 2011 г. польский язык как родной указали 79% поляков, это число осталось неизменным со времени переписи 2001 г. (Lietuvos statistikos departamentas 2001; 2011). Подавляющее большинство (88%) литовских поляков причислили себя к Римско-католической церкви (Lietuvos statistikos departamentas 2011).

Согласно данным переписи 2011 г. 3,5% населения Вильнюса и 1,7% жителей Клайпеды составляют белорусы (Lietuvos statistikos departamentas 2011). В 2011 г. 18,9% белорусов указали белорусский язык как родной (Lietuvos statistikos departamentas 2011).

В 1989 г. в Литве был принят закон о гражданстве, дающий право на гражданство всем постоянным жителям Литвы (2). Право этнических меньшинств на сохранение своих этнических культур, право на получение образования на языке этнического меньшинства гарантированы законами Литовской Республики.

Краткий обзор теоретических подходов

В социологии, социальной антропологии и в других социальных науках популярны исследования идентичности социальных групп. Исследования посвящены проблемам конструирования половой, этнической идентичности, идентичности социального класса и другим. Следуя утверждениям ученых, этничность подвижна, изменчива, зависит от ситуации и контекста (Eriksen 1993; Sanders 2002 и др.). Для исследований этничности, идентичности этнических групп значим текст норвежского антрополога Фредерика Барта, опубликованный в 60-ые годы XX в. По утверждению Фредерика Барта, самая важная вещь в исследовании групповой общности — это этническая граница (англ. *ethnic boundary*), конструируемая между группами, а не культурное содержание, или культурные черты определенной группы (Barth 1970: 15). Таким образом, изучая этничность, ее проявление и этническую идентичность важными становятся отношения «мы» vs «они», конструируются стереотипы, рисуются границы этнических границ (Barth 1970; Eriksen 1993 и др.). С другой стороны, Карен А. Керуло утверждает, что с перспективы современного постмодернистского или деконструктивистского изучения идентичности недостаточно показать, что идентичности социально конструируемы и выбираемы, но обязательно анализировать более глубокие политические или иные причины конструирования тех или иных идентичностей (Cerulo 1997: 391). Научные исследования не раз показывали, что этническая общность, этничность важны для людей, потому нередко этими идеями успешно манипулируют определенные заинтересованные группы, добиваясь политических или других целей (Eriksen 1993, Lindholm 1993 и др.).

В контексте расширения Европейского союза (ЕС) актуальными становятся исследования, посвященные тому, как жители Евросоюза понимают и интерпретируют сам процесс его расширения, формируется ли определенная европейская общность, как ЕС и его институции, а также проводимая ими политика оцениваются жителями союза (Spohn, Triandafyllidou (eds.) 2003).

Ученые изучают как деятельность и политическую культуру политической и административной элиты центров ЕС, так и отношения простого населения с ЕС и его институциями (Borneman, Fowler 1997: 497). В исследованиях интеграции ЕС важными становятся изучение конструирования/создания границ и изучение приграничных общин (Borneman, Fowler 1997: 498). Ученые изучают то, как социально конструируются границы Европы, почему одни страны воспринимаются как европейские, а другие — нет, и утверждают, что проведение таких границ связано с политикой властных отношений (Hellstrom 2003: 126). С другой стороны, ученые ведут споры о том, что объединяет Европу, что позволяет отождествлять себя с Европой или ЕС как с определенным политическим образованием? По утверждению Р. Хадсона, нет такой культурной идеи, мифа, которые объединяли бы разных людей в ЕС и позволяли бы конструировать подобное народу общество (Hudson 2000: 420).

Анна Триандафиллиду и Уилфред Спон (Triandafyllidou, Spohn 2003: 8) утверждают, что в социальных, политических и гуманитарных науках можно выделить две точки зрения, по-разному интерпретирующие соотношение национальной и европейской идентичностей. Одна из них интерпретирует общность с ЕС или Европой как одно из измерений общности, тогда как общность с национальным государством и народом — первична и более важна (Spohn, Triandafyllidou 2003: 8). Отстаивающие другую точку зрения ученые считают, что европейская идентичность постепенно сменяет национальную (Spohn, Triandafyllidou 2003: 8). А. Триандафиллиду и У. Спон оспаривают обе эти обозначенные точки зрения на соотношение европейской и национальной идентичностей и утверждают, что элементы европейской и национальной общностей связаны между собой (Spohn, Triandafyllidou 2003: 8). Анализ ситуации этнических меньшинств и новых иммигрантов приобретает новые аспекты в контексте интеграции ЕС. По утверждению А. Триандафиллиду и У. Спона интеграция ЕС обуславливает определенные изменения в конструировании национальной идентичности, поскольку появляется дополнительное — европейское — измерение идентичности, при этом и само «европейское измерение может создать дополнительное пространство для меньшинств и предоставить им альтернативное измерение включенности (англ. *inclusion*)» (Triandafyllidou, Spohn 2003: 13).

Исследования этнической, национальной идентичности стали актуальны и сравнительно широко проводятся представителями социальных и гуманитарных наук со времени восстановления независимости Литвы и сейчас, когда возрос масштаб эмиграции. Ученые спорят о самом понятии идентичности, а также о ее конструировании (Cepaitiene 2001, Ciubrinskas 2011a, 2011b, Taljunaite 2011 и др.). Проводятся исследования идентичности этнических меньшинств в современной Литве (Dauksas 2008, Frejute-Rakauskiene 2011, Sliavaite 2011 и др.) и исторических процессов формирования идентичности национальных меньшинств (Kasatkina, Marcinkevicius 2009), социальной памяти (Sutiniene 2009). Изучается идентичность новоприбывших иммигрантов (Zibas (sud.) 2009) и эмигрировавших жителей Литвы в целевых странах (Taljunaite, Labanauskas 2009; Dauksas 2011; Kripiene 2011; Kuznecoviene 2011; Liubiniene 2011; Sutiniene 2011 и др.). Новое в данной статье заключается в том, что ее целью был анализ и сравнение тенденций конструирования общности в группах этнических меньшинств Литвы в контексте расширения ЕС.

Методология исследования

Качественное исследование проводилось в 2010 г. Во время исследования были проведены двенадцать глубинных интервью биографического характера с проживающими в Литве поляками и по одиннадцать таких же интервью с русскими и белорусами (3). Информанты отбирались и интервью проводились следуя единой методологии, подготовленной координаторами проекта (4). Интервьюировались информанты трех поколений: младшего (16 лет–22 года), среднего (от 35 до 50 лет) и старшего (от 65 лет и старше) — мужчины и женщины. Главным критерием, по которому отбирались информанты, была общность с определенной этнической группой (русские, белорусы или поляки). Кроме того, во время отбора информантов обращалось внимание на два демографических признака — пол и возраст.

Большинство интервью проводилось в Вильнюсе, где исторически проживают исследуемые этнические группы. В отличие от русских и белорусов информанты поляки интервьюировались не только в городе Вильнюс, но и за его пределами, поскольку большинство поляков компактно проживает в городе Вильнюс и Вильнюсском районе (Statistikos departamentas 2011). Все участвовавшие в исследовании информанты польской национальности родились в Литве, а не приехали в страну в какой-либо период жизни. В группе белорусов часть информантов родилась в Литве, однако другая, гораздо бóльшая часть приехала в советское время, и несколько человек — после восстановления независимости. Информанты из русской группы также имели различный иммиграционный опыт.

Имена всех цитируемых информантов изменены. Во время интервью задавались вопросы о биографии информанта, его семье, определенных элементах, связанных с этнической общностью (языке, религии, традициях и под.), связях с местом, городом, Литвой или страной происхождения. В ходе разговора использовался подготовленный координаторами проекта план интервью, однако информанту позволялось свободно выражать свои мысли, говорить о том, что самому информанту казалось актуальным и связанным с основными вопросами исследования. Количественное исследование ENRI-VIS проводилось в конце 2009 – начале 2010 гг. Во время количественного исследования было опрошено по 800 литовских поляков и русских, 400 белорусов (Beresneviciute 2011, 2011a, 2011b).

Краткое представление информантов

Русские

Представители старшего поколения Надежда Ивановна (5) и Иван Иванович — русские, родились не в Литве (в России и Украине), приехали в Литву в советское время как трудовая иммигрантка и военный. Другой информант старшего поколения Николай Владимирович необычен тем, что родился в Бельгии и имеет гражданство этой страны, однако считает себя русским по происхождению (отец информанта — русский эмигрант). В Литве он оказался, познакомившись со своей будущей женой (русской из Литвы). Все три информанта старшего поколения родились не в Литве, имеют высшее образование и говорят только по-русски, хотя и понимают по-литовски.

Представители среднего поколения все родились в Литве, большинство — из смешанных семей. Отец Павла Александровича родился на Украине, мать — в

Литве, в маленьком городке возле границы с Беларусью, себя он считает русским и говорит по-русски, хотя понимает по-литовски, имеет высшее образование. Деда другого информанта, Валерия Петровича — белорусские евреи, однако себя он причисляет к русским, говорит по-русски и по-литовски; занимается в Вильнюсе педагогической работой. Ольга — дочь старообрядца, ее мать — из Беларуси. У нее высшее музыкальное педагогическое образование, живет и работает в Вильнюсе. Замужем за белорусом, в семье говорят по-русски, но умеют говорить и по-литовски, говорят на этом языке с соседями и на работе. Ася родилась в Литве, в Вильнюсском регионе. Она из смешанной польско-русской семьи. Ее родители — русские из Литвы, но мать отца — из польской семьи и считает себя полькой. Ася вышла замуж за литовца и их дети считают себя литовцами. На работе и в семье она говорит по-литовски, но ее родной язык — русский. Имеет высшее образование.

Представители младшего поколения все (за исключением одного) родились в Литве. У Анны мать литовка, сама она родилась в России, себя считает «наполовину русской, наполовину литовкой». Информантка говорит по-литовски и по-русски, имеет высшее образование. Мать Натальи — полька из Вильнюса, отец — армянин из Азербайджана. В семье они говорят по-русски, Наталья считает себя русской, с друзьями говорит по-литовски. Другие представители младшего поколения, ученики Сергей и Артем, происходят из смешанных семей. Родители Сергея, как и он сам, считают себя русскими, в семье говорят по-русски, но его деда как с материнской, так и с отцовской стороны происходят из смешанных (русско-белорусской и литовско-русской) семей. Артем из смешанной семьи (отец — поляк, мать — русская). В семье говорят по-русски, но умеют говорить и по-литовски, на этом языке Артем разговаривает с друзьями, соседями и одноклассниками.

Поляки

Опрошенные информанты поляки родились в Литве. Родители лишь нескольких из них (Чеслава и Романа) польские иммигранты советского периода с территорий современной Беларуси (населенных пунктов на Литовско-Белорусской границе). Опрошенные представители старшего поколения Мажена, Чеслав, Дагмара и Богумил — поляки, родившиеся в Литве, один из них живет в деревне в Вильнюсском районе, остальные — в Вильнюсе, там, где и родились (кроме упомянутого информанта Чеслава). У двоих из них высшее образование, у остальных — среднее. Все информанты старшего возраста считают себя поляками, дома говорят по-польски, все они знают также русский язык и используют его в повседневной жизни, трое из опрошенных знают литовский язык и говорят на нем. Чеслав закончил русскую семилетку, все остальные учились в польской школе.

Опрошенные представители среднего возраста поляки Болеслав, Ванда и Камила живут в Вильнюсе, Роман живет в деревне недалеко от Вильнюса (в Вильнюсском районе). Трое из них имеют высшее образование, все работающие. Болеслав говорит по-русски и немного — по-польски и по-литовски. Информант, как и его родители, закончил русскую школу, в отличие от других информантов среднего возраста. Все информанты считают себя поляками, дома говорят по-польски, также владеют литовским, русским и другими языками (английским).

Опрошенные информанты младшего возраста Зигмунт, Гертруда и Илона живут в Вильнюсе, Ярослав — недалеко от Вильнюса. Зигмунт, Гертруда и Илона учатся или закончили среднюю школу с польским языком обучения. На момент

интервью Зигмунт и Илона учились в университете. Ярослав закончил среднюю школу и работает водителем. Все они считают себя поляками, говорят польски, владеют литовским языком. Зигмунт, Гертруда и Илона говорят по-английски, Ярослав знает русский и литовский языки и в равной мере пользуется ими на работе.

Белорусы

Все участвовавшие в исследовании белорусы живут в Вильнюсе. Информант старшего поколения Сергей приехал в Литву после женитьбы уже в зрелом возрасте, долгое время работал в Вильнюсе учителем. Анна родилась в Вильнюсе в первой половине XX в. в белорусской семье, прекрасно знает историю Вильнюсских белорусов, долгое время была активной участницей белорусской общины. Прекрасно владеет русским, белорусским и польским языками. Лена родилась в Беларуси в 1922 г., после войны в поисках более обеспеченной экономической жизни приехала в Вильнюс, создала здесь семью. В семье общается по-русски, но владеет и белорусским языком, участвует в деятельности белорусской общины.

Марина — информантка среднего возраста, приехавшая в Литву в конце советского периода, владеющая русским и белорусским языками, но считающая недостаточным свое знание литовского языка. Она работает учителем. Инесса — образованная информантка среднего возраста, потомственная жительница Вильнюса. Это единственная информантка, которая замужем за белорусом и в чьей семье говорят по-белорусски. Она прекрасно владеет литовским, русским языками. Викентий в 1993 г. сбежал из Беларуси в Литву опасаясь политического преследования, знает литовский, русский, белорусский и другие языки, имеет высшее образование. Борис сбежал из Беларуси в Вильнюс после обретения Литвой независимости, имеет среднее образование, владеет русским, белорусским языками.

Белоруска младшего поколения Ольга — активный член местной белорусской организации, студентка, родилась в смешанной семье поляка и белоруски, но себя считает белоруской. Другая информантка младшего поколения, Юля, родилась в конце советского периода в Литве, после распада Советского Союза жила в Беларуси, а по достижению совершеннолетия, имея гражданство Литовской Республики, вернулась в Литву вместе с родителями и продолжает здесь учебу в ВУЗе. Информант младшего поколения Григорий достигнув совершеннолетия включился в деятельность белорусских организаций в Вильнюсе и самостоятельно выучил белорусский язык. Николай — выпускник Вильнюсской школы, знающий русский, литовский, белорусский языки.

Взгляды на Европейский союз и конструирование общности

В опроснике глубинного интервью биографического характера информантам задавались вопросы об общности с европейским регионом и Европой. С целью раскрыть европейскую идентичность информанта ему давалась карта Европы с просьбой указать три места (города, страны, региона), к которым информант считает себя причастным, в порядке значимости (первое, второе, третье). Информанта просили мотивировать свой выбор. Задавались следующие вопросы: чувствуете ли вы себя европейцем, что для вас значит быть европейцем? Кроме того была цель узнать, как информанты оценивают ЕС и проводимую им политику, что они думают о расширении ЕС.

Русские

Учитывая результаты качественного исследования, данные об общности русских с европейским регионом сложно обобщаемы. Можно видеть слабую тенденцию, что представители младшего поколения русских больше отождествляют себя с европейским регионом, Европой. Общность информантов среднего и старшего поколения уточнить сложнее, поскольку на карте Европы ими указывались разные страны, в зависимости от профессии, увлечений, стран и городов, в которых воевали во время Второй мировой войны.

Проведя качественные интервью выяснилось, что для большинства информантов общность с европейским регионом ассоциируется не со странами Европы, их менталитетом, общей культурой, религией, но с институтами Европейского союза и проводимой ими политикой. Преобладает не культурная общность, а политическая, то есть, общность с Европой или европейским регионом осознается не с культурной (общий исторический опыт, общая культура и культурное наследие, преобладающая религия в Европе (Eder, 2004; Llobega, 2003, цит. по: Pichler 2011: 51), а с политической точки зрения, указывающей на понятие гражданственности. Лишь немногие из опрошенных могли сказать, что они чувствуют себя европейцами из-за общего менталитета, преобладающей культуры и религии на европейском континенте: *«На самом деле свою идентичность, так считаю, и очень много людей у нас так считает, что у нас европейская идентичность, мы уже европейские люди. В смысле, не Евросоюза, а Европы как континента. И Евросоюза тоже. Вот. <...>»* (Наталья).

Младшее поколение идентифицирует себя с Европой или Европейским союзом. Представители молодого поколения большие евроэнтузиасты из-за новых возможностей, которые им может предложить ЕС: возможность учиться, жить в других странах и утвердиться на рынке труда. Надо отметить, что было и вполне воодушевленное мнение представительницы среднего поколения на счет Европейского союза так, информантка Ася утверждала, что Литва и ее население получают много выгоды от ЕС и называла Европу «нашей большой родиной». *«<...> А теперь Европа — это наша большая родина. <...> Помощь Евросоюза. Больше свободы у людей, больше выбора. Особенно на сегодняшний день, что люди могут уехать куда-то работать. Как я говорю, на хлеб заработать. Только с хорошей стороны. Друг другу помогают в Союзе люди... государства. Так я считаю, как и в большой семье. Если кому-то плохо, кто-то поможет. Все нормально. Считаю, что очень хорошо. Я считаю, что выиграла. Выиграла. Ну, сколько теперь помощи... Только что политики не умеют воспользоваться тем, что Евросоюз дает. И вообще... Про политику тут нечего говорить... Если бы политики сумели дать, что Евросоюз дает нам, людям простым всем, на развитие хозяйства там, экономики, то я считаю, что мы сегодня намного лучше жили.»* (Ася)

Почти все в качественном исследовании опрошенные представители младшего поколения собираются эмигрировать из Литвы, родители некоторых из них уже живут в эмиграции. При этом, несмотря на то, что представители младшего поколения в Литве идентифицируются с Евросоюзом, они также идентифицируются со странами Европы (Украина, Польша, Беларусь, Словакия), в которых живут «русскоговорящие» — говорящие по-русски люди, живущие вне России (информанты в большинстве случаев описывают себя как «русскоговорящих»).

Об отождествлении себя с «русскоговорящими» писал американский политолог Д. Лайтин, который в своем исследовании о формировании русской идентичности в Балтийских и в других странах отмечает, что члены этнической группы русских в странах, в которых в 1989 г. начались движения народного возрождения, сформировали новую «объединяющую» идентичность на языковой, а не на этнической основе (Laitin 1998: 265). Ученый утверждает, что неприемлемую более категорию идентичности «граждане Советского Союза» заменила категория «русскоязычные» (Laitin 1998: 191). Таким образом, общность с «русскоязычными» заметна не только среди старшего поколения, но и среди молодежи.

Скептическое отношение старшего поколения в Литве к ЕС распространяется на декларируемые европейские ценности, особенно на свободу слова. Несколько опрошенных также критиковали институты Евросоюза и высказали недовольство статусом Литвы в ЕС. Часто утверждается, что ЕС использует маленькие страны и их территории для достижения своих целей, идентичность маленьких стран исчезает вместе с их языком. Также обильна критика проводимой Евросоюзом в государствах-членах политики, связанной с сельским хозяйством.

Данные количественного исследования ENRI-VIS показывают положительную оценку Европейского союза этнической группой русских. Например, лишь 15% русских Литвы имеют крайне отрицательное или скорее отрицательное мнение о ЕС, 33% русских оценивают ЕС положительно или скорее положительно, а 42% русских в Литве имеют нейтральное мнение о ЕС (Beresneviciute 2011a: 41).

Что касается тревог, связанных с будущим Европы и Евросоюза, то данные количественного исследования ENRI-VIS показали, что почти половина опрошенных русских в Литве опасается еще больших сложностей для этнических меньшинств (52%) и утраты русской культуры и идентичности (49%) (Beresneviciute 2011a: 41). Более половины опрошенных русских (56%) считает, что вхождение Литвы в ЕС приносит много пользы или скорее приносит пользу (Beresneviciute 2011a: 41).

Поляки

У опрошенных поляков Литвы локальная идентичность сильнее, чем европейская. Почти все информанты на просьбу указать на карте Европы самые важные города, страны и регионы, первым указывали Вильнюс, следующим — Вильнюсский район, Литву или Польшу. Таким образом становится очевидно, что преобладает локальная идентичность, т.е., себя идентифицируют с местом проживания, после — со страной проживания, потом — со страной происхождения и в последнюю очередь идентифицируются с Европой (также см. Sutiniene, Zilinskaite (2011: 74).

Говоря об общности с европейским регионом и странами, находящимися в этом регионе, Польша нередко становится той страной, с которой информант себя связывает в первую очередь, и лишь редкие из опрошенных называют другие европейские страны: *«Но, конечно, я думаю, что надо бы и выбрать и страну, где ты заработаешь, потому что мне Англия, так она меня совсем не манит, или Ирландия, и я там... не думаю, что поехала бы... только из-за денег, потому что мне как культура она мне не очень подходит, потому что совсем чуждая. Поэтому я выбираю Польшу, потому что, ну примерно что-то похожее. <...>»* (Гертруда)

Большинство информантов подчеркивает, что идентифицируется с европейцами из-за общей европейской культуры (культурная общность). Некоторые говорят о Европе, как о политическом объединении и институции Европейского союза. Информанты поляки младшего и среднего возраста высоко ценят открывшиеся возможности путешествовать, учиться, работать в Евросоюзе. Надо заметить, что информанты старшего возраста также гордятся тем, что являются гражданами ЕС. С другой стороны, видна и критика современных ценностей и свобод, пропагандируемых Европейским союзом и не согласующихся с христианскими ценностями информантов. Люди старшего возраста и имеющие более низкое образование с Европой не идентифицируются и довольно скептически в отношении Евросоюза.

«Нет, как о жителе Европейского союза я вообще не думаю, мне это не очень нравится. Я думаю как о жителе Литвы. Это просто, это моя родина, Европа — это не моя родина, просто мне, я не очень доволен Европой саюной [Европейским Союзом]... мне нравится Литва, наше государство мы живем. А здесь сейчас получается как колхоз — все это объединили, и у нас своего нету, получается, понимаете. Я думаю о себе, как о гражданине Литовского государства. <...>» (Болеслав)

Неоднозначную оценку Евросоюза информантами поляками демонстрируют и данные количественного исследования ENRI-VIS. Например, 36% поляков в Литве имеют нейтральное, тогда как 28% имеют крайне положительное или скорее положительное мнение о ЕС, а 18% поляков имеют крайне отрицательное или скорее отрицательное мнение о ЕС. Почти каждый шестой опрошенный респондент (16%) не имеет мнения о ЕС (Beresneviciute 2011b: 37). Что касается тревог, связанных с будущим Европы и Европейского союза, то данные количественного исследования ENRI-VIS показали, что большая часть (44%) опрошенных литовских поляков боится больших трудностей для этнических меньшинств. Утраты польской культуры и идентичности опасаются 41% опрошенных поляков, но чуть больший процент (43%) поляков этого не боится (Beresneviciute 2011b). 45% поляков считают, что членство Литвы в ЕС приносит много пользы или скорее приносит пользу (Beresneviciute 2011b: 37).

Белорусы

Во время качественного исследования информанты охарактеризовали себя как европейцев двумя образами: как людей, которые живут в определенном географическом регионе (в Европе) и/или как граждан Европейского союза. Географическая Европа часто имела в виду как более широкий регион, чем ЕС, поскольку ей принадлежат такие не входящие в состав ЕС страны как Россия, Беларусь, Украина. Однако категории «Европа» и «Европейский союз» часто понимались как связанные и неотделимые друг от друга. Европа часто связывалась с определенными культурными ценностями, такими как христианство, технологическое развитие, научный прогресс. Описывая Евросоюз и характерные для него ценности большинство информантов упоминали права человека, свободу передвижения.

По словам информантов, Литва и Беларусь исторически были и остаются частью европейской культуры. Однако некоторые информанты утверждали, что существует значительная культурная разница, различия менталитета местного населения и жителей Европы. Григорий, белорус младшего поколения, сказал:

«И: М... А Вы упомянули, что Вы — белорус, так? Чувствуете себя белорусом. Может Вам вопрос покажется странным. Вы себя чувствуете больше белорусом или больше европейцем?»

Р: Белорусом.

И: И почему?

Р: Ну, эта европейскость, это ну очень неопределенное выражение, слово. Ну так европейцем географически можно сказать, хоть бы и русский, и грек, и даже турок может сказать, который оттуда бывает. Ну вот... <...>»

Ольга, также информантка младшего поколения, белоруска, подчеркивает свою культурную принадлежность белорусской, украинской культуре, однако, в то же самое время вводит и другое измерение — она гражданка ЕС.

«И: Так как Вам. Вы себя чувствуете больше европейкой или больше белоруской, или больше литовкой?»

Р: Сложный вопрос. (Пауза). Культурно больше чувствую себя белоруской. У меня такое духовное понимание, ну такой... вот такие духовные всякие вещи... не знаю... ну, начиная музыкой, там, литературой. Мне, например, нравится читать по-белорусски. Мне нравится этот язык. Я читаю... Я очень много слушаю музыки — белорусской, украинской. Это, может, из-за того, что мне эти языки нравятся. И для меня это такое удовольствие. Какое-то душевное удовлетворение. А вот политически, я, конечно, гражданка Литвы. В смысле, даже не знаю, политически, или как... ну на самом деле я гражданка Литвы, жительница Литвы и все такие земные вещи больше связаны с Литвой. (Пауза). Ну вот...

И: А европейскость?

Р: А европейскость это совсем политический такой вопрос. Ну, я... у меня паспорт Евросоюза. <...>».

Однако национальные государства (Литва и Беларусь) большинством информантов указывались как более важные, культурно им более близкие, чем ЕС. ЕС в каком-то смысле характеризовался как находящийся где-то отдаленно, не влияющий или мало влияющий на их повседневную жизнь.

По данным количественного исследования ENRI-VIS, взгляд на ЕС большей части опрошенных литовских белорусов скорее положительный: мнение 44% о ЕС — крайне положительное, а 41% — нейтральное, тогда как лишь 10% белорусов имеют крайне отрицательное или скорее отрицательное мнение о ЕС (Beresnevičiute 2011c: 37). Что касается тревог, связанных с будущим Европы и Евросоюза, то данные количественного исследования ENRI-VIS показали, что большинство белорусов (53%) опасается больших трудностей для этнических меньшинств и такая же часть (53%) — утраты белорусской культуры и идентичности (Beresnevičiute 2011c: 37, 38). Больше половины опрошенных белорусов (59%) считает, что членство Литвы в ЕС приносит много пользы или скорее приносит пользу (Beresnevičiute 2011c: 37).

Важность Литвы в конструировании общности

Во время интервью задавался вопрос об общности со страной проживания. Информантов спрашивали, насколько страна, город или место проживания для них важно и почему, что им нравится или не нравится в местности, городе, стране проживания.

Русские

Данные качественного исследования показали, что у русских в Литве более выражена локальная идентичность, т.е., они склонны идентифицироваться с определенной местностью в Литве. Например, представитель среднего возраста, родившийся в Литве, говорит:

«Литва — конечно. Даже не Литва, а Вильнюс. Т.е., мне там в Таураге совсем не нравится. А вот Вильнюс — да. И Каунас я не люблю. А Вильнюс очень нравится. Ну... да. Вильнюс.» (Павел Александрович)

Представительница младшего поколения также идентифицируется с Вильнюсом:

«Ай... Литва — моя родина. Вильнюс — моя родина. <...> Все проходило в Вильнюсе и мы здесь живем тоже в этом районе в Старом городе. Здесь пять поколений по маме живут в этом районе... не в одном доме... в одном районе. Так это уже со всеми корнями... уже вросли... уже так вросли, что уже некуда... Так я уже пятое поколение, которое здесь живет по этому.» (Наталья)

Говоря об идентификации со страной проживания (Литвой) и своей исторической родиной (Россией), разница видна не между возрастными группами, а между теми, кто родился в Литве, и теми, кто родился в другой стране. Ясна тенденция, что опрошенные представители младшего и среднего поколения, родившиеся в Литве, больше отождествляют себя с Литвой, чем с Россией:

«<...> Я считаю себя русским. Я не знаю как себя чувствуют другие. Мы же здесь не совсем русские. Как и все русские в понедельник себя чувствую плохо. Это русская национальная традиция (смеется — прим. авт.). Т.е., русские Литвы, русские России это настолько разные люди, что даже говорят по-разному.» (Валерий Петрович)

С другой стороны, есть информанты, родившиеся не в Литве, но идентифицирующие себя с Литвой. Например, информантка Надежда Ивановна, родившаяся в России, но уже пятьдесят лет живущая в Литве, указывает Вильнюс как свой родной дом: здесь она живет, здесь работала, вышла замуж, сюда из России привезла свою маму, которую здесь же и похоронила.

Сильная общность с местом и страной проживания информантов отчасти отражается и в данных количественного исследования ENRI-VIS о миграционных установках (Beresnevičiute 2011a; 2011b; 2011c). Информантам задавался вопрос о том, воспользовались бы они возможностью переезда в другую страну, одни или вместе с семьей, при гарантированной финансовой и социальной поддержке. Меньше половины опрошенных русских (41%) ответили, что не хотят никуда уезжать, лишь 29% русских сказали, что уехали бы и 23% русских сомневались и говорили, что скорее всего уехали бы. Наибольшее различие миграционных тенденций опрошенных русских заметно между возрастными группами. Самые молодые русские информанты больше хотят уехать из Литвы (46%), в то время как из возрастной группы среднего поколения уехать хотели бы 37%, а из старшего поколения — лишь 18%. Среди стран, в которые чаще всего хотят уехать, упоминалась Россия (29%), Великобритания (16%) и США (11%) (Beresnevičiute 2011a: 41-42).

Другой фактор, важный для описания общности этнических меньшинств со страной и показывающий, как себя чувствуют живущие здесь этнические меньшинства — это этнические конфликты и опыт дискриминации. Что касается дискриминационного опыта этнических меньшинств и этнических конфликтов, то по данным количественного исследования ENRI-VIS опрошенные русские и поляки Литвы имеют общее мнение по этому вопросу. Данные количественного исследования ENRI-VIS (Beresnevičiute 2011a; 2011b; 2011c) показали, что этнические меньшинства чаще замечают напряжение в стране на социальной

почве (богатые/бедные, старые/молодые), а не на этнической (6). Живущие в Литве русские также как поляки и белорусы подчеркивают напряжение не между этническими или религиозными, а между социальными группами. Половина опрошенных русских и поляков (49%) и 37% белорусов в первую очередь отмечают напряжение между богатыми и бедными, похожее количество русских и поляков (41%) и 49% белорусов считают, что существует некоторое напряжение между богатыми и бедными. Если говорить об этническом напряжении, то почти половина русских и поляков (47%) считает, что есть некоторое напряжение между поляками в Литве и литовцами, а также между русскими Литвы и литовцами, 10% считает, что это напряжение велико; 41% опрошенных русских и поляков сказали, что на этнической почве напряжения нет. Литовские белорусы (70%) считают, что нет напряжения между белорусами Литвы и литовцами, что некоторое напряжение есть упоминают 23% белорусов (Beresneviciute 2011a: 34; 2011b: 37-38; 2011c: 34-35).

Во время биографических интервью большинство русских, а так же польских и белорусских информантов сказали, что лично не испытывали дискриминации или выражений нетерпимости в повседневной жизни.

Поляки

Говоря о конструировании литовскими поляками общности с Литвой, примечательно, что Вильнюс и Вильнюсский район (называемый информантами Вильния) становится основным и самым важным местом, с которым идентифицируются информанты. Часто Литва становится вторым по важности местом после Вильнюса и Вильнюсского района (нередко информантами называемого регионом). Общность с Вильнюсом или Вильнюсским районом говорит больше о локальной идентичности информанта. С Вильнюсом или Вильнюсским регионом информанты идентифицируются по разным причинам: чаще всего приводится аргумент, что здесь они родились и живут, нередко и работают, что здесь похоронены их предки, здесь исторические корни информанта, приемлемые религиозные (католичество) и культурные традиции. Также упоминается и то, что в этом месте они себя эмоционально хорошо чувствуют (также см. Sutiniene, Zilinskaite 2011: 77).

«Вильнюс, да. Я слыхала с Вильнюсом. Например, как уезжала там месяц какой-нибудь на стажировку или в путешествие подольше, то я через несколько дней, почти плакать хочется. Я ни работать в этой Польше не могла, потому что я ездила поработать там на радио, у меня никакого вдохновения, я несчастна, потом понемногу привыкаю к этому, к тому месту, где нахожусь, но мне без Вильнюса очень тяжело. <...>» (Ванда)

Интересно отметить, что информантка идентифицируется не только с Вильнюсом как городом (а не Литвой как страной), но также и с польскими городами, похожими на Вильнюс:

«Я даже, я даже не знаю, ну вот — поляка и Польшу забыла (смеется). Польша, ну да, в Польше так я с Краковом, Закопане. Вот не знаю, что на третьем месте, или эти, или Краков, Закопане. А так, например, запад Польши мне вообще не нравится, там Гданьск, красивый, но как-то. <...> или Люблин. Там очень тоже хорошо себя чувствую, потому что город такой, похож немного на Вильнюс. <...>» (Ванда)

Важно отметить, что для большинства опрошенных респондентов родина ассоциируется с городом, населенным пунктом, в котором они родились (Вильнюс или деревня, город в Вильнюсском районе), но спрашивая информантов

о том, с какой страной они больше идентифицируются, или о том, какая страна является для них родиной, то такой страной называется Литва:

«И: А какую страну Вы считаете своей родиной? Мне бы хотелось, чтобы Вы отметили на этой карте все территории, с которыми каким-либо образом себя связываете.

Р: Сама моя родина точно вот здесь, рядом с Вильнюсом, здесь моя родина, где я родился (Вильнюсский район — прим. авт.). Литовский поляк, это значит, что родина Литва, но поляки еще говорят, что мацеж, это значит, моя, родина эта такая малая, то это Вильнюс этот. <...>» (Роман)

Что касается младшего поколения опрошенных информантов, примечательно, что локальная идентичность выражена у них не так сильно. Некоторые информанты младшего поколения чувствуют более сильную связь с Польшей или говорят об общности с Россией (Камила), основные аргументы — это лучшие возможности для получения образования и трудовой занятости:

«Да, я бывал там (в Польше — прим. авт.) много раз и впечатление всегда было приятное, хорошее. По поводу учебы... Да, потому что в Белостокский университет я поступил не из патриотизма, а именно с той перспективой, что можно будет поехать в магистратуру в Польшу. Потому что опять та же система — здесь платно, там бесплатно. Здесь есть уровень, там уровень выше. Это просто такие приоритеты. Если не удастся в Польшу, то буду пробовать куда-нибудь в другое место, но в Литве оставаться продолжать учебу пока не планирую. <...>» (Зигмунт)

По данным исследования ENRI-VIS (Beresnevičiute 2011b), миграционные установки польских респондентов такие же, как и у русских— они не склонны эмигрировать. Более половины (56%) опрошенных поляков сказали, что не хотят никуда уезжать, лишь 23% поляков сказали, что уехали бы, и 12% поляков сомневались и говорили, что скорее всего уехали бы. Самая большая разница между миграционными тенденциями опрошенных поляков видна в возрастных группах. Представители среднего поколения (30–49 лет) больше всего хотят уехать из Литвы (44%), желающих уехать людей старшего поколения (от 50 лет и старше) — 30%, тогда как самых молодых (до 29 лет) польских информантов, желающих покинуть Литву — лишь 24%. Уехать больше хотят жители сельских регионов и работающие. Среди стран, в которые чаще всего хотели бы уехать, называются Польша (26%) и Великобритания (14%), 17% респондентов не назвали страну, в которую хотели бы уехать (Beresnevičiute 2011b: 38).

Белорусы

Большинство родившихся в Литве информантов или тех, у кого уже не одно поколение предков живет в Литве, назвали Литву родиной. В этих случаях социальные связи с Беларусью уже прерваны или совсем пропали. По утверждению некоторых информантов, Беларусь — их родина, поскольку они там родились, однако десятилетия жизни в Литве позволяют им называть Литву своей второй родиной. Информанты связывали Литву с более широкими возможностями для личного развития, свободой, правами человека и это противопоставлялось ситуации в Беларуси. Также Литва характеризовалась как часть ЕС.

Территория бывшего Великого княжества Литовского (ВКЛ) была важна при конструировании этническо-региональной идентичности информантов. Ольга — информантка младшего поколения, 22-летняя студентка. Отмечая важные для нее регионы, самым важным и первым она отметила бывшее Великое княжество

Литовское и утверждала, что историческое наследие ВКЛ оставило след в культуре этих стран и народов, что позволяет ей видеть этот регион как цельный и называть его «своим». Интерпретации истории Великого княжества Литовского были важны для большинства информантов при конструировании белорусскости, т.е. именно в истории тех времен ищут гордость за свое белорусское происхождение (Sliavaite 2011).

В ходе интервью раскрылась важность Вильнюса как места для белорусской этнической идентичности. В большинстве интервью информантов различных поколений подчеркивалась значимость Вильнюса для белорусской культуры, народного возрождения, а также вклад белорусов в культурное наследие Вильнюса. Большинство собеседников связывали Вильнюс с белорусским народом, культурой, историей, т.е. Вильнюс как место связывался с белорусскостью. С другой стороны, все опрошенные информанты — жители Вильнюса, может быть поэтому Вильнюс и значимость Вильнюса была так очевидна в конструировании их идентичности. Вильнюс характеризовался как многонациональный город, в котором информанты чувствуют себя комфортно. Несколько информантов (старшего и среднего возраста) утверждали, что в Литве «свое» — это Вильнюс и восточная Литва, а Каунас и все прочие города к западу — «чужие». Важность Вильнюса для белорусов и других этнических групп была не раз отмечена учеными (см., например: Bumblauskas 2000; Cepaitiene 2008, Sutiniene 2008).

Данные исследования ENRI-VIS (Beresnevičiute 2011c) говорят о том, что в отличие от польских и русских респондентов у белорусов нет общего мнения по поводу эмиграции. 34% опрошенных белорусов ответили, что не хотят никуда уезжать, 30% белорусов сказали, что уехали бы и 28% сомневались и говорили, что скорее всего уехали бы. Наибольшие различия в миграционных тенденциях опрошенных белорусов зависят от возрастных групп и от места жительства (Beresnevičiute 2011c: 38). Белорусские информанты старшего поколения (61%) сказали, что никогда бы не уехали. Среди стран, в которые чаще всего хотят уехать, упоминается Беларусь (47%), Великобритания (8%), Германия (6%) и Норвегия (5%) (Beresnevičiute 2011c: 38).

Конструирование отношений со страной происхождения или исторической родиной

Во время интервью биографического характера задавался вопрос и об общности со своей исторической родиной (Россией, Польшей или Беларусью). Также спрашивалось о том, бывали ли информанты когда-нибудь в России, Польше или Беларуси и какие социальные связи существуют в этих странах.

Русские

Представители всех поколений идентифицируются с Россией. При этом, представители младшего поколения больше идентифицируются не со страной (географически), а с русской культурой. Можно отчасти сказать, что информанты старшего поколения больше чувствуют связь не с современной Российской Федерацией, а с Советским Союзом, хотя несколько информантов младшего поколения также говорили, что Советский Союз и преобладавшая в ней русская культура повлияла на них. Отмечалось, что Советский Союз влиял на людей, на их менталитет, культурные обычаи (например, празднование Нового года и 9-го мая, русская популярная эстрадная музыка, советское художественное и

анимационное кино и т.п.). Большинство опрошенных информантов идентифицируются с Россией как со своей исторической родиной с культурной точки зрения, то есть, из-за русской культуры, языка, православной веры. Они более не имеют никаких родственников в России, а если и имеют, то очень дальних, которых более не навещают.

Русская старшего поколения Надежда Ивановна в Литве предлагает для описания общности русских, в том числе и своей, с Россией использовать понятие не «русские», а «россияне». Д. Лайтин (Laitin 1998) утверждает, что в русском языке есть ясное разделение между русским как этнической категорией и русским как политической категории (русские и россияне), которое в контексте постсоветской политики может пониматься как выражение политической общности этнических групп с Россией. Такая общность нередко характерна для служащих и ветеранов Российской армии, которые себя называют «российскими военными» стремясь подчеркнуть лояльность, а не этническую идентификацию с Россией (Laitin 1998: 266).

Также отмечено, что те, кто посещал или посещает дошкольные учреждения или среднюю школу с русским языком обучения чувствуют большую связь с русским языком, культурой, нежели те, кто посещал школу с литовским языком обучения (особенно это касается младшего поколения). Таким образом можно утверждать, что этничность не обусловлена географически (например, местом или страной рождения), но имеет связь с культурой и языком.

Поляки

Польские информанты всех поколений чувствуют связь с Польшей и идентифицируются с этой страной. Большинство опрошенных информантов отметили Польшу третьей или второй по важности страной, регионом, с которым они идентифицируются. Информанты чувствуют эмоциональную связь с Польшей, поскольку родственники большей части информантов живут в Польше или же сами информанты жили, учились или работали, навещали своих родственников и знакомых в Польше: *«С Польшей у меня связь тоже такая, очень (пауза) и эмоциональная, и такая тесная, потому что, как говорю, пять лет жил в Варшаве, часть моих близких жила, ну теперь умерла, брат моего отца жил именно в Варшаве, умер пару лет назад, но именно мой дядя жил в Варшаве и есть конечно больше родственников, которые после войны должны были уехать сюда из Вильнюса, вот... Ну и конечно много коллег у меня там, потому что пять лет провел <...> да, общаемся, и коллеги есть, и знакомые. И какие-то там и деловые там связи, что какие-то конференции там, частенько приходится участвовать <...>» (Роман)*

Некоторые респонденты старшего возраста, несмотря на то, что их родственники живут в Польше, отметили, что уезжать туда они не хотят. Однако для информантов всех возрастов важны культурные аспекты общности, в особенности, связанные с языком — почти все сказали, что смотрят польское телевидение (TV Polonia), слушают радио на польском языке (Znad Wilii), интересуются происходящим в Польше, более молодые информанты сказали также, что слушают популярную польскую музыку. Надо отметить, что в отличии от людей старшего возраста, чувствующих культурную связь с Польшей, более молодые люди, помимо этой культурной связи, связывают с Польшей и свое будущее. Акцентируется более хорошая программа высшего образования, возможность учиться бесплатно, устроиться на работу, возможность получить польские стипендии для учащихся польского происхождения в Литве.

Белорусы

Информанты, родившиеся в Беларуси, чаще именно эту страну называли своей родиной. Однако, Литва всеми без исключения информантами называлась важной страной для них самих или для их детей. Например, информантка старшего поколения Лена, которая родилась в Беларуси и лишь в зрелом возрасте приехала в Литву, сказала:

И: А какую страну вы назвали бы своей родиной? Какая страна ваша родина?

Р: Какая? Ясно, что Беларусь. Ведь я там родилась. И мой сын там родился в 1954 году.

И: А что для вас в таком случае значит Литва?

Р: Литва, я люблю Литву. Особенно город Вильнюс. Я всегда когда еду, я смотрю... Я люблю и Литву тоже. <...>» (Лена)

Связи с Беларусью обычно поддерживаются – навещая близких родственников, проводя там отпуск. Поэтому личные связи – это важная нить, связывающая информантов с Беларусью. Например, информант младшего поколения, родившийся в Литве и живущий здесь, но имеющий близких родственников в Беларуси и поддерживающий прочные контакты, обе страны, Литву и Беларусь, считает одинаково для него важными.

Современный политический режим в Беларуси был важной темой, когда информант(-ка) говорил(-а) о своих отношениях с сегодняшней Беларусью. Часть информантов отстранилась от каких-либо политических вопросов. Эти люди утверждали, что для них самое важное — это то, что в Беларуси живут их родители, братья, сестры, друзья. Часть информантов критиковали проводимую Лукашенко политику и утверждали, что их визиты в Беларусь невозможны из-за не согласия с такой политикой.

Выводы

1. Во время качественного интервью выяснилось, что во всех трех исследуемых группах для информантов всех поколений идентификация с местностью, городом или страной проживания (Литвой) важнее, чем идентификация с Европой или Европейским союзом. В польской и белорусской группах более, чем в русской группе, проявилась важность Вильнюса в конструировании идентичности, основанная на исторических интерпретациях. Интересно отметить, что информанты белорусской группы особо акцентировали важность исторического региона Великого княжества Литовского для их идентичности и этнической общности.

2. По данным исследования, для информантов всех групп и поколений важна страна их происхождения (историческая родина). Несмотря на то, что большая часть информантов русской группы не имеет более социальных связей с Россией, связь с ней тем не менее конструируется на культурной основе. С другой стороны, русские информанты старшего поколения Россию отождествляют больше с Советским Союзом, чем с современной Российской Федерацией. Информанты старшего поколения в польской группе также поддерживают культурные связи с Польшей: интересуются тем, что происходит в этой стране, смотрят польское телевидение, слушают радио на польском языке. По данным исследования, молодые информанты польской группы часто связывают определенные планы на

будущее с Польшей. Для информантов белорусской группы при конструировании связей с Беларусью важны сохранившиеся личные социальные связи. Сегодняшний политический режим в Беларуси был важной темой, когда информанты описывали свои отношения с современной Беларусью.

3. Европейская идентичность информантами наглядно конструируется. В польской и белорусской группах, в отличие от русской, больше культурной общности с Европой, т.е., подчеркиваются общий исторический опыт, похожесть культуры. Для большинства информантов русской национальности общность с Европой или с европейским регионом ассоциируется не с европейскими странами, их менталитетом, общей культурой, религией, а с институциями Европейского союза и проводимой ими политикой. Во всех трех этнических группах (русские, поляки, белорусы) представители молодого поколения более положительно, чем представители старшего поколения, настроены в отношении интеграции Литвы в ЕС. Представители молодого поколения акцентировали открывшиеся с вступлением Литвы в ЕС возможности больше путешествовать, получить опыт, более широкие возможности для учебы и стремления к профессиональной карьере.

(1) Enri-East (Взаимодействие европейской, национальной и региональной идентичностей: Нации между государствами вдоль новых границ Европейского Союза, www.enri-east.net) — это международный научный исследовательский проект, проведенный 2008–2011 гг. консорциумом из одиннадцати команд. В этом проекте в качестве партнеров участвовали научные учреждения Англии, Словакии, Австрии, Польши, Беларуси, Украины, Венгрии, Германии и Литвы. Координатор — Центр изучения и сравнительных исследований Евразии Венского Института современных исследований (www.ihs.ac.at/ceass). Проект финансировался в рамках 7-ой общей программы Европейского союза FP7-SSH. Номер договора #217227. Партнер проекта в Литве — Литовский центр социальных исследований, руководитель проекта в Литве — проф. А.В. Матулионис.

Краткая версия этой статьи на литовском языке опубликована: Frėjūtė-Rakauskienė, Šliavaite (2012).

(2) Закон о гражданстве социалистической республики Республика Литва, [http://eudo-citizenship.eu/NationalDB/docs/LITH%20Law%20XI-3329%20\(1989.%20original\).pdf](http://eudo-citizenship.eu/NationalDB/docs/LITH%20Law%20XI-3329%20(1989.%20original).pdf) (дата обращения: 11.11. 2012)

(3) Интервью с информантами русской и белорусской национальности были проведены авторами статьи. Интервью с информантами польской национальности и первичный анализ исследования были проведены Иреной Шутинене и докт. Викторией Жилинскайте (Литовский центр социальных исследований). См. отчет об исследовании (Šutinienė, I., Žilinskaitė, V. (2011). Main findings of biographical interviews (ENRI-BIO). In Chvorostov, A.; Heinrich, H.G. (Eds.) *Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and eastern Europe. The Polish Minority in Lithuania*, EC. European Research Area, 69–83, http://www.enri-east.net/wp-content/uploads/pl%28LT%29_FINAL_Feb3_09022012.pdf).

(4) Manual for Qualitative Biographical In-Depth Interviews. Proposed and developed by a task-force: professor Claire Wallace (head), dr. Lyudmila Nurse, dr. Natalia Waechter, dr. Alexander Chvorostov. July 2010

(5) Имена всех информантов изменены.

(6) Респондентов просили указать на существующее, по их мнению, напряжение между различными социальными группами (между богатыми и бедными, старыми и молодыми людьми), этническими группами (русскими Литвы и литовцами, литовскими поляками и литовцами, литовскими белорусами и литовцами, и др.) и между различными религиозными группами.

Библиография

Barth F. (1970) *Ethnic Groups and Boundaries: the Social Organization of Culture Difference*. Introduction. Bergen-Oslo: Universitets Forlaget. London: George Allen & unwin, pp. 9–38.

Beresnevičute V. (2011a) *Main Findings of the ENRI-VIS Survey*. Heinrich H.G., Chvorostov A. (ed.) Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and eastern Europe. Research Report No. 9. The Russian Minority in Lithuania. EC. European Research Area 2011, pp. 27–44. Доступно: http://www.enri-east.net/wp-content/uploads/The_Russian_Minority_in_Lithuania.pdf (см. 14.11.2011).

Beresnevičute V. (2011b) *Main Findings of the ENRI-VIS Survey*. Heinrich H.G., Chvorostov A. (ed.) Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. Research Report No. 8. The Polish Minority in Lithuania. EC. European Research Area 2011, pp. 23–38. Доступно: http://www.enri-east.net/wp-content/uploads/pl%28LT%29_FINAL_Feb3_09022012.pdf (см. 14.11.2011).

Beresnevičute V. (2011c) *Main Findings of the ENRI-VIS Survey*. Heinrich H.G., Chvorostov A. (ed.) Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and Eastern Europe. Research Report No. 7. The Belarusian Minority in Lithuania. EC. European Research Area 2011, pp. 24–60. Доступно: http://www.enri-east.net/wp-content/uploads/by%28LT%29_FORMATED_FINAL_WEB_08022012.pdf (см. 14.11.2011).

Borneman J., Fowler N. (1997) Europeanization. *Annual Review of Anthropology*, Vol. 26, pp. 487–514.

Bumblauskas A. (2000) Senasis Vilnius tautų istorinės samonės perspektyvose. *Lietuvos istorijos studijos*, Nr. 8, pp. 20–39. (In Lithuanian)

Cerulo A.K. (1997) Identity Construction: New Issues, New Directions. *Annual Review of Sociology*, Vol. 23, pp. 385–409.

Cepaitienė A. (2001) Atgaviant etninį tapatumą: individas, simbolis, vieta. *Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos*, 1(10), pp. 167–197. (In Lithuanian)

Cepaitienė R. (2008) Daugiakulturių miestų paveldas: interpretacijos problemos ir galimybės. *Lietuvos istorijos studijos*, Nr. 21, pp. 86–101. (In Lithuanian)

Ciubrinskas V. (2011) Transnacionalinė migracija ir išjudintas identitetas. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, pp. 5–12. (In Lithuanian)

Ciubrinskas V. (2011) Identitetas ir identiteto politika: antropologines dimensijas tiriant nacionalini ir transnacionalini saistymasi. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, pp.13–28. (In Lithuanian)

- Dauksas D. (2011) Buti lietuviu cia ir ten: migrantu is Lietuvos Norvegijoje atvejis. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didziojo Universitetas, pp. 119–140. (In Lithuanian)
- Dauksas D. (2008) Pase irasytoji tapatybe: Lietuvos lenku etninio/nacionalinio tapatumo trajektorijos. *Lietuvos etnologija: socialines antropologijos ir etnologijos studijos*, 8(17), pp.57–72. (In Lithuanian)
- Eriksen T.H. (1993) *Ethnicity & Nationalism: Anthropological Perspectives*. Pluto Press.
- Frejute-Rakauskiene M. (2011) Rusai Lietuvoje ir Latvijoje: europinio, regioninio ir lokalaus identitetu saveika, *Etniskumo studijos / Ethnicity studies 2011/1-2*. Vilnius: Eugrimas, pp. 80–110. (In Lithuanian)
- Frejute-Rakauskiene M., Sliavaite K. (2012) Rusai, lenkai, baltarusiai Lietuvoje: lokalaus, regioninio ir europinio identitetu sasajos, *Etniskumo studijos / Ethnicity studies 2012/1–2*. Vilnius: Lietuvos socialiniu tyrimu centras, pp. 126–144. (In Lithuanian)
- Hellstrom A. (2003) Beyond Space: Border Making in European Integration, the Case of Ireland. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*, Vol. 85, No. 3, pp. 123–135.
- Hudson R. (2000) One Europe or Many? Reflections on Becoming European, *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series*, Vol. 25, No. 4, pp. 409–426.
- Kasatkina N.; Leoncikas, T. (2003). *Lietuvos etniniu grupiu adaptacija: kontekstas ir eiga*. Vilnius: Eugrimas. (In Lithuanian)
- Kasatkina N., Marcinkevicius A. (2009). *Rusai Lietuvos Respublikos visuomeneje 1918–1940 m.: istorines retrospektyvos konstravimas*. Vilnius, Lietuvos socialiniu tyrimu institutas: Eugrimas. (In Lithuanian)
- Kripiene I. (2011) Etniniu instituciju vaidmuo socialiniame imigrantu gyvenima: lietuviai Niujorke. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didziojo Universitetas, pp. 105–118. (In Lithuanian)
- Kuznecoviene J. (2011) Isteritorinto identiteto alternatyvos: lietuviu imigrantai Airijoje, Anglijoje, Ispanijoje ir Norvegijoje. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didziojo Universitetas, pp. 89–104. (In Lithuanian)
- Laitin David D. (1998). *Identity in Formation. The Russian-Speaking Population in the Near Abroad*. Ithaca and London: Cornell University Press.

Lietuvos Respublikos socialistines respublikos pilietybes istatymas. (2012) Доступно: [http://eudo-citizenship.eu/NationalDB/docs/LITH%20Law%20XI-3329%20\(1989,%20original\).pdf](http://eudo-citizenship.eu/NationalDB/docs/LITH%20Law%20XI-3329%20(1989,%20original).pdf) (11.11.2012) (In Lithuanian)

Lietuvos statistikos departamentas. (2002) Gyventojai pagal lyti, amziu, tautybe ir tikyba. Surasymas 2001/Population by Sex, Age, *Ethnicity and Religion. Population Census 2001*. Vilnius: Statistikos departamentas prie Lietuvos Respublikos Vyriausybes. (In Lithuanian)

Lietuvos statistikos departamentas. (2011) Lietuvos gyventojai 2011 metais. 2011 m. gyventoju surasymo rezultatai. Доступно: http://www.stat.gov.lt/uploads/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf?PHPSESSID=d8d81abea20f6d6b918d58c478514976 (12.11.2012) (In Lithuanian)

Lindholm H. (1993) Introduction: A Conceptual Discussion. In: Lindholm, H. (ed.) *Ethnicity and Nationalism: Formation of Identity and Dynamics of Conflict in the 1990s*. Nordnes, pp. 1–35.

Liubiniene N. (2011) As esu lietuve visada, tiktai galiu tureti kita pilietybe: imigrantu is Lietuvos identiteto deliones Siaures Airijoje. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didziojo Universitetas, pp. 141–162. (In Lithuanian)

Martsinkiavichius A. (2007). Nekotorye aspekty sotsial'noi situatsii russkogo men' shistva v Litivskoi Respublike (1918–1940), *Etniskumo studijos/Ethnicity studies: Russkie v strahakh Baltiiskogo regiona: men'shstvo i gosudarstvo, Baltijos juros regiono rusai: mazuma ir valstybe*. Vilnius: Eugrimas. 2007/2, pp. 212–241. (In Russian)

Pichler F. (2011) *The Making of Identities in eastern European Border Regions: A Theoretical Framework*. Heinrich H.G., Chvorostov A. (ed.) Integrating and summarizing reports. Research Report No. 1. Theoretical and methodological backgrounds for the studies of European, national and regional identities of ethnic minorities in European borderlands. EC. European Research Area 2011, pp. 46–56. Доступно: http://www.enri-east.net/wp-content/uploads/D51_Final_08112012.pdf (см. 19.05.2013).

Sanders M.J. (2002) Ethnic Boundaries and Identity in Plural Societies. *Annual Review of Sociology*, Vol. 28, pp. 327–357.

Spohn W., Triandafyllidou A. (ed.) *Europeanisation, National Identities and Migration: Changes in Boundary Constructions between Western and Eastern Europe*. London and New York: Routledge.

Sliavaite K. (2011) Etninio identiteto paieskos: Vilniaus baltarusiu atvejis, *Etniskumo studijos / Ethnicity Studies* 2011/1–2. Vilnius: Eugrimas, pp. 111–135. (In Lithuanian).

- Sutiniene I. (2008) Lietuvos Didziosios Kunigaikstystės paveldo reikšmės populiariosiose tautinio naratyvo interpretacijose, *Lietuvos istorijos studijos*. Nr. 21, pp. 102–120. (In Lithuanian).
- Sutiniene I. (2011) Lietuvių migrantų tautinio identiteto transformacijos: tarp aktualizavimo ir asimiliacijos. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, pp. 163–184. (In Lithuanian).
- Sutiniene I., Zilinskaite, V. (2011). Main findings of biographical interviews (ENRI-BIO). Chvorostov, A.; Heinrich, H.G. (ed.) *Contextual and empirical reports on ethnic minorities in Central and eastern Europe. The Polish Minority in Lithuania*, EC. European Research Area, pp.69–83.
- Taljunaite M. (2011) Tautinės tapatybės politikos sampratos konstravimas. Vytis Ciubrinskas (sud.) *Lietuviskasis identitetas siuolaikines emigracijos kontekstuose*. Kaunas: Vytauto Didžiojo Universitetas, pp. 41–58. (In Lithuanian).
- Taljunaite M., Labanauskas L. (2009) Lietuviai svetur: tautinio tapatumo išsaugojimas. Mokslo studija. Vilnius: Socialinių tyrimų institutas. (In Lithuanian).
- Triandafyllidou A., Spohn W. (2003) Willfried Spohn, Anna Triandafyllidou (eds.) *Europeanisation, National Identities and Migration: Changes in Boundary Constructions between Western and Eastern Europe*. London and New York: Routledge, pp. 1–18.
- Zibas K. (sud.) (2009) Migrantų integracija: trečiujų šalių piliečiai Lietuvoje. *Etniskumo studijos / Ethnicity studies 2009/2*. (In Lithuanian).